Нефтяная отрасль Ирана в условиях санкций: стратегии адаптации, международное сотрудничество и перспективы развития

Момени Мани
ассистент, кафедра недропользования и нефтегазового дела, преподаватель инженерской академии, Российский университет дружбы народов им Патрис Лумумбу (РУДН), ManiMomeni@Gmail.com,

Митина Наталья Николаевна
доктор географических наук, профессор кафедры теории и методологии государственного и муниципального управления, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, natalia_mitina@mail.ru

Представленное исследование предлагает комплексный анализ состояния нефтяной отрасли Ирана и стратегии, которые страна использует для развития в условиях перманентных международных санкций. В работе систематизируются долгосрочные последствия санкционной политики: помимо технологического отставания самого сектора, санкции привели к трансформации иранских углеводородов в «токсичный актив» — как для международных компаний, так и для финансовых институтов. Анализ статистических данных (OPEC, EIA, BP) за период 2010–2025 гг. позволил выявить адаптационные механизмы, которые Иран использовал для смягчения давления. К ним относятся: переориентация экспортных потоков на азиатские рынки, расчёты в национальных валютах, а также бартерные схемы. Обратной стороной этих мер стали существенные ценовые дисконты, которые Иран вынужден предоставлять. Авторы приводят доказательства, что стратегическое партнёрство с Российской Федерацией и Китаем в рамках ШОС являются важным смягчающим аспектом, но не в полной мере способно компенсировать издержки санкционной изоляции.
Ключевые слова: Иран, нефтяная отрасль, международные санкции, адаптационные стратегии, энергетическое сотрудничество.

Введение

Иран обладает четвёртыми по величине доказанными запасами нефти и одним из самых низких показателей себестоимости добычи [4]. Динамика добычи, достигшая пика в 1975 г., носит ярко выраженный циклический характер (рис. 1). В большинстве стран мира подобные колебания являются следствием внешних политических факторов — в первую очередь обусловлены международными санкциями, во время которых отрасль отбрасывалась назад в технологическом плане, оказывалась в инвестиционной изоляции, а углеводороды страны превращались для глобальных корпораций и финансовых институтов в своего рода «токсичный актив» [8; 10; 11; 19; 22; 24; 28]. Однако в последние годы в Иране, не смотря на введенные 50 лет назад и постоянно растущий пакет санкций, наметился, казалось бы, парадоксальный сдвиг. Так, ужесточение санкций США в 2018 г не обрушило иранскую нефтяную отрасль: данные Bloomberg и British Petroleum за 2024 г. фиксируют рекордный уровень добычи — около 5 млн баррелей в сутки, чего не наблюдалось с конца 1970-х годов. Доходы от экспорта нефти и нефтепродуктов приблизились к $78 млрд, что сопоставимо с показателями до конфронтации. Эта устойчивость заставляет пересмотреть традиционные оценки влияния санкционного давления и адаптации к нему [25].

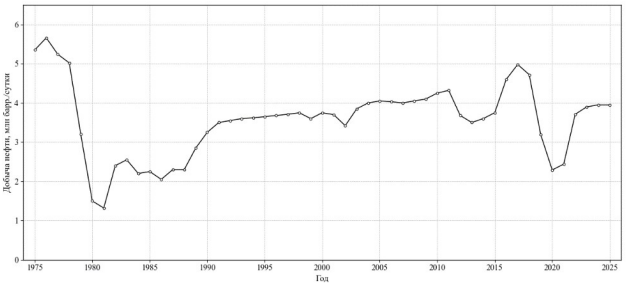

Рисунок 1. *График добычи нефти в Иране за 1975-2025 гг.*

Цель данного исследования — комплексно проанализировать современные адаптационные стратегии иранской нефтяной отрасли, оценить их результативность и перспективы. Для этого решаются следующие **задачи**:

Проанализировать структурные сдвиги в отрасли.

Изучить ключевые механизмы обхода санкций.

Оценить роль стратегического партнёрства с Россией, Китаем и странами ШОС.

Выявить системные уязвимости, долгосрочные вызовы и стратегические направления развития отрасли.

Научная новизна работы состоит в том, что мы соединили историко-политический контекст с современным экономико-статистическим анализом (использованы данные OPEC, EIA, BP, а также отраслевые отчёты). Такой подход позволяет не просто зафиксировать факт устойчивости экономики Ирана, а даёт возможность вскрыть конкретные операционные и геоэкономические механизмы, лежащие в основе этой адаптации. Особое внимание уделяется развивающемуся российско-иранскому энергетическому сотрудничеству. Оно разворачивается на фоне углубляющегося давления Запада на обе страны, открывая новые исследовательские перспективы в области формирования альтернативных глобальных энергетических цепочек [1; 7; 12; 14].

Макроэкономическая и отраслевая динамика Ирана в условиях санкционного давления

Краткий исторический экскурс до 1990 г. Нефтедобыча Ирана всегда была подвержена циклам. Главный двигатель этих колебаний — не рыночная конъюнктура, а политика. После национализации нефтяных месторождений 1951 г. производство практически остановилось, вернувшись к прежним показателям только к 1957 г. В 1974 г. страна осуществила рекордную добычу — 6 млн баррелей в сутки, что составляло 10,3% мировой добычи. Нефтяные доходы тогда активно шли на ускоренную модернизацию отрасли. Но исламская революция 1978–1979 гг. и последовавшая война с Ираком (1980–1988 гг.) обрушили отрасль. Восстановление началось лишь в 1989-м. И с этого момента главным внешним фактором, определяющим судьбу сектора, стали международные санкции [12].

Влияние санкционных циклов на ВВП Ирана. Динамика валового внутреннего продукта Ирана за 2010–2024 гг. — показывает, насколько сильно экономика зависит от нефтегазового сектора и внешнеполитической конъюнктуры (Рисунок 2). Можно выделить несколько чётких фаз (Таблица 1, Рисунок 2):

2010–2012 гг.: Рост с последующим падением. После мирового финансового кризиса экономика восстанавливалась, но введение санкций ЕС и

США против финансового и энергетического секторов привело к рецессии 2012–2013 гг. В 2012 г. ВВП упал почти на 7%, а экспорт нефти сократился более чем вдвое [26].

2016–2017 гг.: Эффект ядерной сделки. Подписание СВПД в 2015 г. и частичное снятие санкций в 2016 г. дали мощный рост экономики страны. В 2016 г. рост ВВП составил 13,4% — прямое следствие восстановления добычи и экспорта нефти. Этот период убедительно показал: когда внешние ограничения ослабевают, иранская экономика способна быстро набирать обороты.

2018–2021 гг.: Максимальное давление на отрасль санкциями и первые признаки адаптации. Выход США из СВПД и новая волна санкций в 2018 г. снова обрушили экономику: на 6,0% в 2018 г. и еще на 6,8% в 2019 г., однако в 2020–2021 гг., несмотря на сохраняющиеся ограничения, экономическая ситуация стабилизировалась.

2022–2025 гг.: Новая реальность и рекордный экспорт. С 2022 г. начался умеренный рост экономики. Прогнозы на 2024–2026 гг. предсказывали скромный, но устойчивый рост ВВП в районе 2–3% — и эти ожидания оправдались. Парадокс: ужесточение санкций в 2000 г. не помешало росту. Напротив, он напрямую связан с рекордными объёмами добычи и экспорта нефти, которые стали возможны благодаря обходным стратегиям. Экспортные показатели 2025 г. — самый яркий индикатор успешной адаптации. Т.О., санкции США создают серьёзные барьеры и давят на экономическую активность, при этом фактические данные неумолимо свидетельствуют, страна научилась жить под перманентными санкциями, и её рост почти полностью обеспечивается нефтегазовым сектором. Ужесточение санкций и конфликты, как летом 2025 г., война с США, НАТО и Израилем против Ирана в 2026 г. вызвали резкое падение добычи нефти и ее экспорта.

Таблица 1

Динамика ВВП и ключевых энергетических показателей Ирана [4; 21; 23]

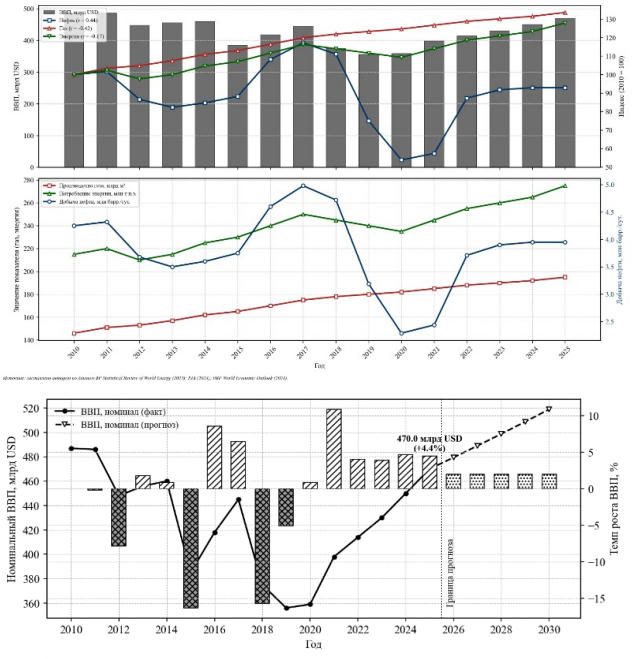
Год	ВВП (номинальный млрд USD $) *	Добыча нефти, млн б/с	Добыча газа, млрд куб. м*	Потребление первичной энергии, млн т н.э.**
2010	487	4.35	146.00	215.00
2011	486	4.25	151.00	220.00
2012	448	3.70	153.00	210.00
2013	456	3.60	157.00	215.00
2014	460	3.70	162.00	225.00
2015	385	3.85	165.00	230.00
2016	418	4.45	170.00	240.00
2017	445	4.70	175.00	250.00
2018	375	3.80	178.00	245.00
2019	356	3.50	180.00	240.00
2020	359	3.30	182.00	235.00
2021	398	3.80	185.00	245.00
2022	414	4.00	188.00	255.00
2023	430	3.26	190.00	260.00
2024	450	3.26	192.00	265.00
2025	470	3.4	195.00	385.00

Рисунок 2 демонстрирует тесную взаимозависимости ВВП Ирана от национальной добычи нефти и потребления первичной энергии. Добыча газа растет в трудные для страны периоды и направляется на внутренний рынок, смягчая экономические трудности и поддерживая благосостояние населения.

На графике Рисунка 3 представлена зависимость добыча нефти и ее экспорт с 2010 по 2025 гг. с линейной аппроксимацией до 2030 г., демонстрируя спад добычи и соответственно снижение объема ее экспорта во время ужесточения санкций с последующей адаптацией данных видов деятельности к сложившимся новым условиям. Экспорт нефтепродуктов подвержен меньшим динамическим скачкам и показывает неуклонный рост производства и производственных мощностей с незначительным замедлением в острые санкционные периоды.

График линейной регрессии отражает инерционный сценарий. Ключевыми факторами, способными радикально изменить траектории прогнозируемых показателей, являются либо снятие санкций, с последующим взрывным ростом инвестиций, добычи и экспорта углеводородов, либо резкое снижение экспортно-добычной деятельности в результате разворачивающихся конфликтов.

Доходы Ирана от экспортной деятельности углеводородов весьма существенны. График добычи нефти фактически зеркально отражает динамику ВВП (Рисунок 2, Таблица 2) и хронологию санкций (Рисунок 3): резкий спад после 2011 г., стремительное восстановление в 2016–2017 гг., новый спад в 2018–2019 гг. — а затем устойчивый рост с 2020 г. Ключевой парадокс периода 2022–2025 гг.: добыча (по официальным данным — около 3,6–3,8 млн барр./сут., по оценкам независимых аналитиков — до 5 млн барр./сут.) и экспортные доходы (~78 млрд долл. в 2024 г.) приближаются к уровням, которые были до конфронтации. И всё это — несмотря на то, что формально санкционный режим стал даже жёстче. Это говорит об эффективности неформальных адаптационных механизмов [9; 26; 18], проводимых правительством Ирана, при этом, структура управления отраслью остаётся неизменной с 1979 г.

Источник: фактические данные – IMF WEO (2024); прогноз – авторская оценка.

Рисунок 2. *График влияния национальной добычи нефти, (млн б/с), природного газа (млрд куб. м) и потребления первичной энергии (млн т н.э.) на номинальный (млрд USD $) [4] и темпы роста ВВП Ирана [21; 23] за 2010-2025 гг.*

Национальная иранская нефтяная компания (NIOC) по-прежнему сохраняет государственную монополию. Попытки модернизировать инвестиционный климат — переход от контрактов buy-back к IPC — дали лишь ограниченный результат в условиях санкций. Основными партнёрами стали компании из стран, которые менее восприимчивы к вторичным санкциям: Китай, Россия, реже — Индия. В 2024 г. основным и практически единственным направлением для экспорта сырой нефти оставался Китай (93% экспорта в 2023–2024 гг.). Такая ориентация создаёт устойчивый канал монетизации ресурсов, хотя и делает страну зависимой от одного партнёра. И тем не менее, это не помешало росту нефтяных доходов в 2024 г. — более чем на 14% по сравнению с предыдущим годом [18]. Однако, их возможности по внедрению передовых технологий и по масштабным долгосрочным инвестициям невелики. Такая ситуация ведёт к углублению технологического разрыва, истощению старых месторождений и, в долгосрочной перспективе, к росту себестоимости добычи [9; 14].

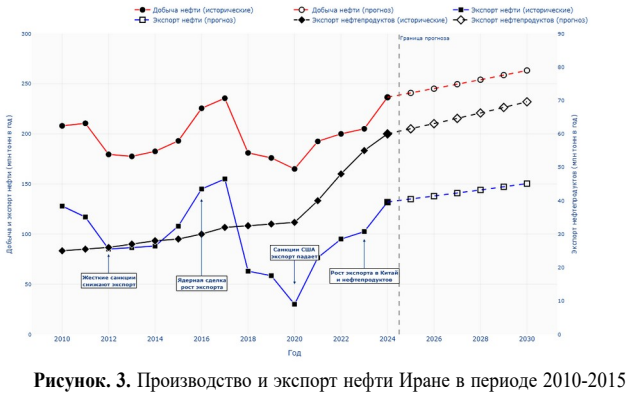

Рисунок. 3. Производство и экспорт нефти Иране в периоде 2010-2015 гг. с линейной экстраполяцией до 2030 г. [18; 20]

Способность Ирана развивать отраслевую инфраструктуру при ограниченном доступе к технологиям и финансам — наглядный индикатор его долгосрочных стратегических приоритетов. Не смотря на мощное внешнее давление данные отрасли за 2020–2024 гг. демонстрирует определённую устойчивость, которая достигается за счёт диверсификации экспортных потоков (доля Китая в закупках иранской нефти превысила 90%), а также за счет продолжающейся реализации ключевых инфраструктурных проектов, не дожидаясь снятия санкций и в режиме нарастающих структурных ограничений [20]. Дефицитные ресурсы необходимости распределять между двумя целями: краткосрочным поддержанием текущего уровня добычи и долгосрочным развитием отрасли.

Долгосрочная стабилизация. Истощённые месторождения требуют применения сложных методов — газовой закачки, термических воздействий. Инвестиции в этот процесс оцениваются примерно в 275 млрд долларов в течение ближайших 17 лет [17]. Это «плата за вход в длинную игру», направленную на сохранение позиций.

Стратегические цели. Для наращивания добычи до 4,6 млн баррелей в сутки к 2027 г. потребуется ориентировочно 50 млрд долларов [5].

Downstream-сектор. Ежегодная потребность здесь оценивается в 20 млрд долларов. Большую часть этих средств предполагается направить на модернизацию НПЗ — чтобы выпускать продукцию с высокой добавленной стоимостью. В целях развития нефтеперерабатывающей промышленности Ирана в контексте международного взаимодействия выявляются три ключевые тенденции: модернизация отрасли, расширение регионального рынка, углубление международной кооперации в рамках ШОС [2; 5].

Реализация масштабных планов модернизации требует от Ирана крупных капиталовложений и доступа к современным технологиям. Учитывая, что западные инвесторы закрыты Тегеран активно пытается привлечь партнёров из России и Китая. Так в 2018 г. руководством НПЗ «Табриз» с российскими и китайскими компаниями был заключен договор об поступлении $1,5 млрд на обновление предприятия. Для модернизация ключевого НПЗ «Абадан» удалось привлечь 2 млрд евро прямых иностранных инвестиций, что позволило увеличить глубину переработки сырья и выпуск продукции с высокой добавленной стоимостью. Однако инвестиционные потребности одной нефтехимической промышленности нуждаются в $24 млрд для реализации запланированных проектов до конца текущего десятилетия [27].

Иран стремится значительно усилить свои позиции на региональном энергетическом рынке. Согласно национальным стратегиям, к 2030 г. страна намерена стать лидером по темпам роста мощностей нефтеперерабатывающих заводов (НПЗ) на Ближнем Востоке. Семь НПЗ находятся сегодня на разных стадиях реализации. Их ввод в строй должен дать существенный прирост мощностей, на долю которых придётся около 65% от общего ожидаемого роста перерабатывающих мощностей во всём регионе к 2030 г. [6; 13]. Из этого следует, что Иран нацелен не просто на покрытие внутреннего спроса, а стремится стать экспортёром нефтепродуктов с высокой добавленной стоимостью.

Взаимодействие Ирана, России и Китая в энергетике разворачивается внутри более широкой институциональной среды — Шанхайской организации сотрудничества. Утверждение государствами-членами Стратегии экономического развития ШОС до 2030 г. создаёт общую дорожную карту, направленную на углубление кооперации и координацию инфраструктурных проектов [15].

Недавние геополитические сдвиги в части обострения конфликта между Израилем и Ираном усилило интерес Китая к альтернативным маршрутам поставок, независимым от морских путей. Ситуация повышает значение Ирана как звена диверсифицированной логистики энергопотоков для ключевых участников ШОС. В условиях санкционного давления и геополитических рисков интеграция иранской ресурсной базы в общую азиатскую инфраструктуру становится дополнительным фактором стратегической устойчивости [15]. Масштаб инвестиций, необходимых Ирану, — а совокупная потребность превышает 400 млрд долларов. Это говорит о том, что в условиях изоляции Иран больше не может эффективно действовать в одиночку. Отсюда и возникает «окно возможностей» для его партнёров по ШОС.

Смена парадигмы. Санкции создают для западных игроков непреодолимые барьеры, но для незападных партнёров они, напротив, снижают трансакционные издержки. Сотрудничество с Ираном становится для них более выгодным, чем раньше.

Поиск равновесия. Участники ШОС могут предложить Тегерану технологии и капитал, а взамен получить доступ к ресурсам и логистике. Так формируется новое стратегическое равновесие. В этой конфигурации сотрудничество становится доминантной стратегией для всех сторон: для Ирана, это шанс вырваться из «ловушки стагнации», а для его партнёров — возможность диверсифицировать риски и получить доступ к стратегическим ресурсам.

Механизмы взаиморасчётов в рублях, юанях и риалах среди партнеров по ШОС требуют не просто политических договорённостей, а устойчивой технологической платформы. Здесь применение блокчейн-технологий выходит далеко за рамки «обеспечения прозрачности», но становится основой для решения следующих задач [3; 16]:

Умные контракты для своп-операций. Предполагают автоматизацию сложных цепочек поставок. Пример: организация многосторонних газовых свопов (Россия поставляет газ на север Ирана, а Иран — в Пакистан и также в Индию трубой дружбы ИПИ). Умный контракт может автоматически исполняться при подтверждении поставки на границе, что минимизирует расчётные и репутационные риски.

Интеграция с цифровыми активами. В данных условиях появляется возможность создавать гибридные расчётные единицы, привязанные к физическим объёмам, нефти или золота, однако для этого требуется разработка сложных криптографических протоколов и систем аудита.

Связь с физической инфраструктурой. Система расчётов должна быть напрямую сопряжена с системами диспетчеризации нефтепроводов и с коммерческим учётом. Это инжиниринговый вызов, цель которого — создать «интернет энергии», где финансовый поток и поток ресурса синхронизированы в реальном времени.

Заключение

Иранский нефтяной сектор демонстрирует уникальный пример адаптивной резистентности в условиях многолетнего перманентного санкционного давления. В период 2020–2024 гг. отрасль страны и экономика в целом продемонстрировали не выживание, а устойчивый рост. И это происходило внутри санкционного режима, а не после его отмены.

Достичь такую устойчивость стране удалось счёт формирования ключевых механизмов обхода санкций. Рекордные объёмы добычи и экспорта нефти поддерживались несколькими факторами: массированным перенаправлением потоков в Азию (прежде всего в Китай), развитием нефтехимической отрасли и активным экспортом нефтепродуктов и созданием альтернативных финансово-логистических цепочек — включая бартерные схемы и расчёты в национальных валютах с ключевыми партнёрами. Нефтегазовый сектор Ирана остаётся фундаментом иранской экономики, обеспечивая стране статус энергетической державы. Однако для сохранения этой позиции Иран сталкивается с инвестиционным и технологическим голодом.

Устойчивость нефтяной отрасли Ирана в долгосрочной перспективе имеет хрупкую, экстенсивную основу. Инвестиционный дефицит приводит к технологическому отставанию инфраструктуры, которая усугубляется санкционной изоляцией, приводит к истощению старых месторождений и к росту себестоимости добычи. В таких условиях долгосрочная конкурентоспособность практически невозможна, и возможность монетизации колоссальных углеводородных запасов остаётся под большим вопросом. Взаимосвязанные Проблемы нефтегазового сектора страны и нарастающего глобального кризиса возможно решить с помощью крупных инвестиций и комплексных решений, направленных на международное сотрудничество.

Стратегия экономического развития ШОС до 2030 г. создаёт общую взаимовыгодную дорожную карту для государств - членов, направленную на диверсификацию поставок углеводородов, автоматизацию сложных цепочек поставок, развитие альтернативных маршрутов, независимых от морских путей, применение блокчейн-технологий. Стратегическое партнёрство Ирана с Россией, Китаем и странами ШОС — фактор, способный снизить санкционные риски и помочь модернизировать инфраструктуру отрасли.

Литература

1. Беилин И.Л. Новые экономические подходы к развитию горизонтальной межрегиональной промышленной политики под влиянием нефтегазовой отрасли // Российский экономический журнал. 2023. № 4. С. 59–77.
2. Верецкий В.В. Тенденции инновационного развития международных нефтегазовых компаний // Экономика, предпринимательство и право. 2025. Т. 15. № 5. С. 3269–3284. – DOI 10.18334/epp.15.5.122993.
3. Жегалов Е. А. АО «АГВ»: импортозамещение и инновации для промышленности России // Деловой журнал Neftegaz.RU. 2025. №2. С. 26-30.
4. Жуков С.В., Резникова О.Б. Иран на мировом рынке нефти // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 11. С. 26–37. – DOI 10.20542/0131-2227-2019-63-11-26-37.
5. Инвестиционные потребности нефтегазового сектора Ирана: долгосрочный прогноз // Российский совет по международным делам (РСМД). – Москва, 2024. –[Электронный ресурс] URL: https://russiancouncil.ru (дата обращения: 29.01.2026).
6. Иран планирует построить 7 новых НПЗ // Деловой журнал Neftegaz.RU: информационный портал. [Электронный ресурс] – URL: https://neftegaz.ru/news/ (дата обращения: 15.06.2026).
7. Исаева Е.А. Текущее состояние и перспективы сотрудничества России и Ирана в нефтегазовой сфере // Евразийские исследования. 2024. Т. 1. № 1. С. 78–85. DOI: 10.24412/cl%37229%2024%1%78%85.
8. Качелин А.С. Научно-технологическое развитие в нефтегазовой отрасли России в условиях глобальной нестабильности // Деловой журнал Neftegaz.RU. 2023. № 3 (135). С. 80–91.
9. Кузнецова Е.А. Иранская экономика: от выживания к росту // Азия и Африка сегодня. 2022. № 5. – [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iranskaya-ekonomika-ot-vyzhivaniya-k-rostu (дата обращения: 12.03.2026).
10. Митина Н.Н., Чжоу И. Перспективы энергетического сотрудничества Китая и Венесуэлы // Инновации и инвестиции. 2023. № 2. С. 52-56.
11. Митина Н.Н., Чжоу И. Нефтяная промышленность Венесуэлы // Инновации и инвестиции. 2022. №10. С. 65-71.
12. Момени М., Митина Н.Н. Нефтегазовая отрасль Ирана // Neftegaz.RU. 2019. № 11. [Электронный ресурс] // https://magazine.neftegaz.ru/articles/rynok/504876-neftegazovaya-otrasl-irana (дата обращения: 29.05.2026).
13. Нефть и газ Ирана: текущее состояние и перспективы [Электронный ресурс] // Energy Policy: аналитический портал. – URL: https://energy-policy.ru/ (дата обращения: 17.06.2026).
14. Почему России нужен газопровод из Ирана в Индию [Электронный ресурс] // Российская газета. — 2023. — 8 августа. — URL: https://rg.ru/2023/08/08/pochemu-rossii-nuzhen-gazoprovod-iz-irana-v-indiiu.html (дата обращения: 29.11.2025).

15. Стратегия экономического развития ШОС до 2030 года [Электронный ресурс] // Секретариат ШОС: официальный сайт. – Пекин, 2023. – URL: https://sectsco.org/ru (дата обращения: 29.01.2026).
16. Трофимов С.Е. Роль НГК в достижении технологического суверенитета государства // Деловой журнал Neftegaz.RU. 2924. № 5. С. 86-96.
17. ШОС и будущее энергетической архитектуры Евразии [Электронный ресурс] // Валдайский международный дискуссионный клуб. – 2024. – URL: https://valdaiclub.com (дата обращения: 29.01.2026).
18. Congressional Research Service. Iran's Petroleum Exports to China and U.S. Sanctions [Электронный ресурс] / Congressional Research Service. – Washington, DC, 2024. – URL: https://www.congress.gov/crs-product/IN12267 (дата обращения: 28.03.2026).
19. Coskun B.B. Energy and Conflict: The Case of Syria's Hydrocarbon Resources // Review of International Studies. 2021. Vol. 15. No. 4. P. 210–228.
20. GIS Reports. Iran's oil sector: Strategic presence, diminished influence [Электронный ресурс] / GIS Reports. – 2025. – 1 September. – URL: https://www.gisreportsonline.com/r/iran-oil-market-influence (дата обращения: 29.01.2026).
21. Global Electricity Review 2024 [Электронный ресурс] / Ember. – URL: https://ember-energy.org/insights/reports/global-electricity-review-2024/ (дата обращения: 13.01.2026).
22. Hertog S. The Cost of Sanctions: Comparative Perspectives on the Rentier State // World Politics Review. 2024. Vol. 19. No. 2. P. 88–105.
23. Iran – Countries & Regions – IEA [Электронный ресурс] // International Energy Agency. – URL: https://www.iea.org/countries/iran (дата обращения: 13.01.2026).
24. Lacher W. Libya's Oil and the Fragmentation of Sovereignty // Middle East Policy. 2023. Vol. 30. No. 3. P. 45–62.
25. Mahdavi, M. تحلیل راهبردی پایداری صنعت نفت ایران در شرایط تحریم [Стратегический анализ устойчивости нефтяной промышленности Ирана в условиях санкций] / M. Mahdavi // Journal of Energy Economics and Management. 2024. Vol. 10. No. 2. P. 45–68.
26. Statistical Review of World Energy. 2025. 74nd edition.
27. U.S. Energy Information Administration (EIA). Iran's energy overview [Электронный ресурс] / U.S. Energy Information Administration (EIA). – Washington, DC, 2024. – URL: https://www.eia.gov/international/analysis/country/irn (дата обращения: 29.01.2026).
28. Visser R. The Oil Sector in Iraq: Historical Constraints and Modern Challenges // Journal of Energy and Development. 2022. Vol. 47. No. 1. P. 112–135.

Iran's oil industry under sanctions: adaptation strategies, international cooperation and development prospects

Momeni Mani, Mitina N.N.
Peoples' Friendship University of Russia Potryas Lumumbu (RUDN)

JEL classification: H87, F02, F15, F29, F40, F42, F49

The presented study offers a comprehensive analysis of the state of the Iranian oil industry and the strategies that the country uses for development in the context of permanent international sanctions. The work systematizes the long-term consequences of the sanctions policy: in addition to the technological lag of the sector itself, the sanctions led to the transformation of Iranian hydrocarbons into a "toxic asset" - both for international companies and financial institutions. Analysis of statistical data (OPEC, EIA, BP) for the period 2010-2025 revealed adaptation mechanisms that Iran used to mitigate pressure. These include: reorientation of export flows to Asian markets, settlements in national currencies, as well as barter schemes. The downside of these measures was the substantial price discounts that Iran is forced to provide. The authors provide evidence that strategic partnerships with the Russian Federation and China within the SCO are an important mitigating aspect, but not fully capable of compensating for the costs of sanctions isolation.

Keywords: Iran, oil industry, international sanctions, adaptation strategies, energy cooperation.

References

1. Beinin I.L. New economic approaches to the development of horizontal interregional industrial policy under the influence of the oil and gas industry // Russian Economic Journal. 2023. No. 4. Pp. 59–77.
2. Veretsky V.V. Trends in the innovative development of international oil and gas companies // Economics, Entrepreneurship and Law. 2025. Vol. 15. No. 5. Pp. 3269–3284. – DOI 10.18334/epp.15.5.122993.
3. Zhegalov E. A. JSC "AGV": import substitution and innovation for the Russian industry // Business magazine Neftegaz.RU. 2025. No. 2. Pp. 26–30.
4. Zhukov S. V., Reznikova O. B. Iran in the global oil market // World Economy and International Relations. 2019. Vol. 63. No. 11. Pp. 26–37. – DOI 10.20542/0131-2227-2019-63-11-26-37.
5. Investment Needs of Iran's Oil and Gas Sector: A Long-Term Forecast // Russian International Affairs Council (RIAC). – Moscow, 2024. – [Electronic resource] URL: https://russiancouncil.ru (accessed: 29.01.2026).
6. Iran plans to build 7 new refineries // Business magazine Neftegaz.RU: information portal. [Electronic resource] – URL: https://neftegaz.ru/news/ (accessed: 15.06.2026).
7. Isaeva E.A. The current state and prospects of cooperation between Russia and Iran in the oil and gas sector // Eurasian Studies. 2024. Vol. 1. No. 1. Pp. 78–85. DOI: 10.24412/cl%37229%2024%1%78%85.
8. Kachelin A.S. Scientific and technological development in Russia's oil and gas industry amid global instability // Business magazine Neftegaz.RU. 2023. No. 3 (135). Pp. 80–91.
9. Kuznetsova E.A. Iranian Economy: From Survival to Growth // Asia and Africa Today. 2022. No. 5. – [Electronic resource] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iranskaya-ekonomika-ot-vyzhivaniya-k-rostu (accessed: 12.03.2026).
10. Mitina N.N., Zhou I. Prospects for Energy Cooperation between China and Venezuela // Innovations and Investments. 2023. No. 2. Pp. 52-56.
11. Mitina N.N., Zhou I. The Oil Industry of Venezuela // Innovations and Investments. 2022. No. 10. pp. 65-71.
12. Momeni M., Mitina N.N. The oil and gas industry of Iran // Neftegaz.RU . 2019. No. 11. [Electronic resource] // https://magazine.neftegaz.ru/articles/rynok/504876-neftegazovaya-otrasl-irana (date of access: 05/29/2026).
13. Oil and gas of Iran: current state and prospects [Electronic resource] // Energy Policy: analytical portal. – URL: https://energy-policy.ru/ (accessed: 17.06.2026).
14. Why Russia needs a gas pipeline from Iran to India [Electronic resource] // Rossiyskaya Gazeta. — 2023. — August 8. — URL: https://rg.ru/2023/08/08/pochemu-rossii-nuzhen-gazoprovod-iz-irana-v-indiiu.html (accessed: 29.11.2025).
15. SCO Economic Development Strategy until 2030 [Electronic resource] // SCO Secretariat: official website. – Beijing, 2023. – URL: https://sectsco.org/ru (accessed: 29.01.2026).
16. Trofimov S.E. The Role of the Oil and Gas Complex in Achieving Technological Sovereignty of the State // Business Journal Neftegaz.RU. 2924. No. 5. Pp. 86-96.
17. The SCO and the Future of Eurasian Energy Architecture [Electronic resource] // Valdai International Discussion Club. – 2024. – URL: https://valdaiclub.com (accessed: 29.01.2026).
18. Congressional Research Service. Iran's Petroleum Exports to China and U.S. Sanctions [Electronic resource] / Congressional Research Service. – Washington, DC, 2024. – URL: https://www.congress.gov/crs-product/IN12267 (date of access: 28.03.2026).
19. Coskun B.B. Energy and Conflict: The Case of Syria's Hydrocarbon Resources // Review of International Studies. 2021. Vol. 15. No. 4. P. 210–228.
20. GIS Reports. Iran's oil sector: Strategic presence, diminished influence [Electronic resource] / GIS Reports. – 2025. – 1 September. – URL: https://www.gisreportsonline.com/r/iran-oil-market-influence (date of access: 29.01.2026).
21. Global Electricity Review 2024 [Electronic resource] / Ember. – URL: https://ember-energy.org/insights/reports/global-electricity-review-2024/ (date of access: 13.01.2026).
22. Hertog S. The Cost of Sanctions: Comparative Perspectives on the Rentier State // World Politics Review. 2024. Vol. 19. No. 2. P. 88–105.
23. Iran – Countries & Regions – IEA [Electronic resource] // International Energy Agency. – URL: https://www.iea.org/countries/iran (date of access: 13.01.2026).
24. Lacher W. Libya's Oil and the Fragmentation of Sovereignty // Middle East Policy. 2023. Vol. 30. No. 3. P. 45–62.
25. Mahdavi, M. تحلیل راهبردی پایداری صنعت نفت ایران در شرایط تحریم [Strategic analysis of the resilience of Iran's oil industry under sanctions] / M. Mahdavi // Journal of Energy Economics and Management. 2024. Vol. 10. No. 2. P. 45–68.
26. Statistical Review of World Energy. 2025. 74nd edition.
27. U.S. Energy Information Administration (EIA). Iran's energy overview [Electronic resource] / U.S. Energy Information Administration (EIA). – Washington, DC, 2024. – URL: https://www.eia.gov/international/analysis/country/irn (date of access: 29.01.2026).
28. Visser R. The Oil Sector in Iraq: Historical Constraints and Modern Challenges // Journal of Energy and Development. 2022. Vol. 47. No. 1. P. 112–135.